

Синь Цзы проявился в комнате, как только в тазу со льдом что-то звякнуло. Он без тени смущения уставился на Цяо Сюаньнянь, явно собираясь что-то спросить, но слова застряли у него в горле.

Цяо Сюаньнянь не собирался облегчать ему задачу:

— Сходи помой дикие ягоды, что мы собрали утром, принеси их сюда, а потом вели тетушке Тянь замочить бобы — завтра я хочу пить соевое молоко.

Цяо Сюаньнянь был именно таким человеком: если ему приставили помощника, он не станет церемониться, раздумывая, откуда тот взялся и каково его истинное предназначение — работать будут все.

Синь Цзы промолчал, сложил руки в приветственном жесте и, развернувшись, исчез.

— Как же я им завидую, — пробормотал Цяо Сюаньнянь, проглатывая кусочек пирожного из ямса.

Он задумался: не стоит ли нанять для Цяо Сэвэня учителя боевых искусств? Три поколения семьи Цяо не могли идти по пути чиновников, так почему бы не стать военными? Впрочем, вслух он этого не произнесет.

Времена нынче стояли беспокойные. Восточные и южные границы Да Яо выходили к морю, где промышляли пираты, западные граничили с мелкими государствами вроде Да Цзин и Вая, а за северными рубежами кочевали бесчисленные племена. Последние годы больших войн не было, но мелкие стычки не прекращались.

Цяо Сэвэнь был единственным мужчиной в роду, и Цяо Сюаньнянь мог лишь прокладывать ему путь, но не указывать дорогу.

Когда четверо слуг во главе с Цин Туном вошли в кабинет, они застали хозяина за едой. Цин Чжу, решив, что угощение пришлось барину по вкусу, предложил:

— Господин, на кухне еще есть. Пойти принести?

— Не нужно, а то до ужина не доберусь, — ответил Цяо Сюаньнянь и скомандовал Синь Цзы: — Сложи всё в маленькие тазы.

Селитры было маловато, поэтому в двух тазах сейчас плескалась ледяная вода — в ней можно было охладить фрукты.

— Ой, откуда лед? — удивился Цин Чжу. — Мы же его не продаем!

И правда, откуда? Цин Тун, который понял всё, как только переступил порог, тоже хотел

задать этот вопрос, но не мог. Дело даже не в том, что лед приносил огромную прибыль. Он был человеком, присланным Первым принцем, и хотя господин внешне относился к нему так же, как к Цин Чжу, трудно сказать, было ли в его сердце хоть немного доверия.

Синь Цзы и Синь Хай тоже хотели спросить. Они были приставлены генералом «охранять» молодого господина Цяо, и обо всем увиденном должны были докладывать, но генерал строго наказал ни во что не вникать. Сейчас был как раз такой момент.

— Сам сделал, — Цяо Сюаньнянь стряхнул крошки с пальцев и обернулся к Цин Чжу: — Принеси мне тетрадь, что лежит на столе.

Молодой господин любил нарезать бумагу под размер книги, сшивать листы нитками и делать маленькие брошюры — говорил, так удобнее.

— Эти две? — спросил Цин Чжу.

Цяо Сюаньнянь кивнул:

— Дай посмотреть Синь Хаю и остальным. Здесь больше ничего не нужно, иди лучше сшей мне кошелек — старый я потерял. И еще принеси с кухни древесной золы, а также печку и железный котел — небольшой подойдет.

Цин Чжу понял, что сейчас будет серьезный разговор:

— Я много нашел, сейчас принесу.

— Ступай.

Трое охранников принялись листать тетрадь, а Цяо Сюаньнянь не мешал им, выбрав самый крупный и спелый плод.

— Да это же уход за важными персонами! — не выдержал Синь Хай, едва перевернув первую страницу. — Тут не только чай подавать, кормить с ложечки, переворачивать, делать массаж и мыть — даже если приставить к каждому по два ученика и главному лекарю, мы не справимся. Во всей армии Чжэньбэй всего сорок один военный врач и меньше сотни учеников. Когда работы невпроворот, даже повара и легкораненые бросают всё и помогают перевязывать раны.

Если бы не страх обвинения в неуважении, Синь Хай добавил бы, что так даже за императором не ухаживают. Когда Цин Туна не будет рядом, он обязательно расскажет господину Цяо, как не хватает провизии и лекарств, и как дом маршала едва наскребает денег даже на выкуп для невесты генерала.

— По крайней мере, нужно организовать дежурство, чтобы вовремя замечать ухудшение состояния больных — глядишь, и спасли бы кого-нибудь. Люди покинули родные дома, чтобы защищать землю, неужели нельзя хотя бы знать, когда они выпускают дух? — Цяо Сюаньнянь

прекрасно понимал, что его система санатория здесь неосуществима. Он просто хотел показать им, что четкий регламент может принести пользу. Сейчас это казалось пустой мечтой — видимо, он слишком долго привык жить барином в прошлой жизни. — Я не знаю, как устроено в армии. Если это бесполезно, просто оставьте на столе.

— Полезно, — Синь Хай выхватил тетрадь из рук Цин Туна и спрятал за пазуху. — Раз господин Цяо думает о наших братьях, я благодарю вас от их лица. Думаю, генерал будет тронут до глубины души!

Цяо Сюаньнянь отмахнулся:

— Вы знаете, где выращивают много саньци?

Тема сменилась так быстро, что Синь Хай не сразу нашелся, что ответить.

— В Вэньчжоу, на юге, — отозвался Цин Тун. — Саньци — ценное сырье, в этом году урожай, возможно, уже раскуплен на годы вперед. Если господину нужно немного, лучше купить в аптеке.

Раз он спрашивает о месте производства, значит, нужно ему вовсе не «немного». Цин Тун взглянул на Цяо Сюаньняня и, видя его спокойствие, засомневался:

— Аптека Шаншань — крупнейший торговец лекарствами. За многие поколения они прибрали к рукам всех сборщиков. Государство тоже закупает лекарства в основном у них. Хорошо хоть, аптека Шаншань ведет дела не слишком безжалостно.

Это же чистая монополия! Но Цяо Сюаньняня это не остановило:

— У Первого принца есть люди в Вэньчжоу? Я хочу проверить с ним одно дело.

Синь Хай, услышав о деньгах, оживился:

— Господин Цяо, семья жены нашего наследного принца как раз из Вэньчжоу. У вас есть выгодное дело — давайте привлечем своих, а Первый принц... Первый принц?

Синь Цзы отвел взгляд, чтобы не видеть ошарашенного лица Синь Хая. То, что господин Цяо знаком с Первым принцем, еще куда ни шло, но ведь это Первый принц! Единственный сын покойной императрицы, самый избалованный и своенравный принц Да Яо.

— Это дело потребует огромных вложений сил и средств, — предупредил Цяо Сюаньнянь, чтобы сразу прояснить риски. — Минимум три-четыре года никакой прибыли, возможно, всё пойдет прахом.

Он вернулся к столу и протянул им письмо для старшего господина:

— Даже по ценам на саньци и женьшень видно, что лекарства стоят дорого. Я хочу взять под

контроль поставки саныци, чтобы оно не стоило целое состояние.

Синь Хай вспомнил, как на горе сам рассказывал, что генерал получил сто ударов палками, раны гноились, и он едва не погиб. Прошло всего несколько часов, а господин Цяо уже придумал рецепт, который к тому же очень пригодится в армии.

Господин Цяо держит их генерала в сердце, заботится о войсках Чжэньбэй. Синь Хай и Синь Цзы опустились на колени:

— Благодарим вас, господин Цяо!

Цин Тун был в замешательстве. В столице Первый принц не раз призывал господина печься о благе народа, но тот всякий раз переводил тему. А тут — всего несколько дней на севере, и уже самогон, и лед... Разве это не проще, чем рисовать эскизы одежды, как он делал последние два года? Если это лекарство поможет сбить цены — это же великое благо для страны и народа.

Неужели всё это из-за любви к генералу Цзиню? Вряд ли. Господин еще молод, не умеет скрывать эмоции, но в столице он был словно путник, живущий прозрачно и ясно. В нем не было недостатка в сострадании, но он сам находился в трясине. Господин говорил, что не станет ради кого-либо подвергать себя опасности. Если бы всё было только ради генерала Цзиня, он мог бы просто достать старинные рецепты через ту же аптеку Шаншань, зачем так рисковать и выходить из тени?

Даже если аптека Шаншань уступит саныци, дешевле оно не станет. Цин Тун хотел было предупредить его, но Цяо Сюаньнянь добавил:

— Я собираюсь выращивать саныци в Вэньчжоу.

Как это выращивать? Конечно, лекарственные травы культивируют, у аптеки Шаншань полно полей, но редкие травы прихотливы, их проще собирать в горах.

Цин Тун уже искал слова, чтобы мягко отговорить господина, как вдруг Синь Хай начал бить себя в грудь, обещая, что дом маршала Чжэньбэй не поскупится ни на деньги, ни на людей, и господину Цяо нужно лишь дождаться, пока супруга наследника пришлет людей для обсуждения деталей.

Не слишком ли они торопятся? Ведь даже рецепт еще не до конца готов! Цин Тун понял, что медлить нельзя:

— Я напишу в столицу.

— Передайте весть, а там как получится, — Цяо Сюаньнянь был спокоен. Если никто не заинтересуется, он начнет сам. Юньчжоу недалеко от Вэньчжоу, можно отправить Хэ Чуаня на разведку. — Если к началу девятого месяца никто не придет договариваться, значит, им это не нужно.

В октябре пора начинать подготовку почвы, ждать нельзя!

Убедившись, что дел больше нет, Цяо Сюаньнянь отправил всех делить ягоды из таза, а сам прилег в кресло-качалку, командуя Цин Чжу поставить воду из большого таза на огонь. Когда большая часть выкипит, нужно снять котел, дать остыть, собрать кристаллы селитры, завернуть их в ткань и закопать в древесную золу.

Цин Тун, Синь Хай и Синь Цзы молча наблюдали за господином и слугой.

После ужина Хэ Бо пришел с докладом:

— Господин, скоро праздник Середины осени, всё делать как в прошлом году?

Цяо Сюаньнянь чуть не забыл:

— В этом году закажи еще одну бумажную куклу в полный рост, женскую.

— Слушаюсь.

Хэ Бо уже ничему не удивлялся. Их господин не устраивал поминальных служб, не ходил на могилы, а просто сжигал одежду на улицах и оставлял булочки для блуждающих духов. В прошлом году он зачем-то сжег восемь пар бумажных слуг для старой госпожи, а в этом — куклу в полный рост, чтобы было с кем поговорить. Истинная сыновья почтительность.

<http://bllate.org/book/19132/1879004>